

Научная статья

<https://doi.org/10.24412/2220-2404-2025-4-31>

УДК 343.3/7

Attribution

cc by

ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ СОБСТВЕННОСТИ:
МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОЙ СЕГМЕНТ

Коняхин В.П.¹, Огородникова Н.В.²

Кубанский государственный университет^{1,2},

<https://orcid.org/0000-0002-6062-7759>¹, onv23@mail.ru²

Аннотация. Статья имеет своей основной целью установление международно-правовых оснований криминализации деяний, направленных против отношений собственности.

Методология. Для реализации указанной цели использовались системно-структурный, формально-юридический, историко-правовой и сравнительно-правовой методы исследования.

Результаты. По итогам проведенного уголовно-правового анализа были зафиксированы 3 вида преступлений против собственности, которые нашли отражение в ратифицированных РФ международно-правовых актах: 1) хищение, неправомерное присвоение или иное нецелевое использование имущества публичным должностным лицом (ст. 2, 17 Конвенции ООН против коррупции от 31 октября 2003 г.); 2) хищение культурных ценностей (ст. 1, 4 Конвенции ООН о защите культурных ценностей в случае вооруженного конфликта от 14 марта 1954 г., ст. 1, 3, 4 Конвенции ООН о мерах, направленных на запрещение и предупреждение незаконного ввоза, вывоза и передачи права собственности на культурные ценности от 14 ноября 1970 г., ст. 1 Конвенции ООН об охране всемирного культурного и природного наследия от 16 ноября 1972 г.); 3) разрыв или повреждение подводного телеграфного, телефонного высоковольтного кабеля или трубопровода (ст. 2 Международной конвенции по охране подводных телеграфных кабелей от 14 марта 1884 г., ст. 113 Конвенции ООН по морскому праву от 10 декабря 1982 г.).

Ключевые слова: международное уголовное право, конвенции, преступления против собственности, хищение, неправомерное присвоение, иное нецелевое использование, имущество, культурные ценности, публичное должностное лицо, разрыв или повреждение.

Финансирование: инициативная работа.

Original article

CRIMES AGAINST PROPERTY: AN INTERNATIONAL LEGAL SEGMENT

Vladimir P. Konyakhin, Nina V. Ogorodnikova

Kuban State University

Abstract. The main purpose of the article is to establish international legal grounds for criminalizing acts against property relations.

Methodology. To achieve this goal, systemic-structural, formal-legal, historical-legal and comparative-legal research methods were used.

Results. Based on the results of the criminal law analysis, 3 types of crimes against property were recorded, which were reflected in international legal acts ratified by the Russian Federation.: 1) theft, misappropriation or other misuse of property by a public official (Articles 2, 17 of the UN Convention against Corruption of October 31, 2003); 2) theft of cultural property (Articles 1, 4 of the UN Convention for the Protection of Cultural Property in the Event of Armed Conflict of March 14, 1954, art. 1, 3, 4 of the UN Convention on Measures aimed at Prohibiting and Preventing the Illicit Import, Export and Transfer of Ownership of Cultural Property of November 14, 1970, art. 1 of the UN Convention for the Protection of the World Cultural and Natural Heritage of November 16, 1972); 3) rupture or damage to underwater telegraphic, telephone high-voltage cable or pipeline (Article 2 of the International Convention for the Protection of Underwater Telegraphic Cables of March 14, 1884, Article 113 of the United Nations Convention on the Law of the Sea of December 10, 1982).

Keywords: international criminal law, conventions, crimes against property, embezzlement, misappropriation, other misuse, property, cultural property, public official, rupture or damage.

Введение.

Существующая на политико-правовой карте мира реакция всех субъектов мирового сообщества на преступления против собственности практически однозначна: во всех государствах

предусматриваются соответствующие уголовно-правовые запреты с высоким уровнем наказуемости за их нарушение. И такой подход наблюдается, что называется, «с незапамятных времен». В

этом контексте история международного уголовного права исчисляется лишь двумя с половиной столетиями: первые упоминания по данному поводу связывают с концом XIX века – с принятием Международной конвенции по охране подводных телеграфных кабелей от 14 марта 1884 г. [1], которая является действующей для России по настоящее время. Тем не менее, статичной она остается именно как первый международный акт в названной сфере общественных отношений. Позднее появилась потребность в определенной детализации предмета указанного преступления, в расширении его круга, что вошло составляющей частью в принятую 10 декабря 1982 г. Конвенцию ООН по морскому праву [2] (см. ст. 113, в частности).

В последующем становление института уголовной ответственности за преступления против собственности происходило за счет дополнения последнего нормативными предписаниями, устанавливающими запрет на хищение культурных ценностей. Речь идет, прежде всего, о Конвенции ООН о защите культурных ценностей в случае вооруженного конфликта от 14 марта 1954 г. [3] (далее — Конвенция ООН от 14 марта 1954 г.), а также о Конвенции ООН о мерах, направленных на запрещение и предупреждение незаконного ввоза, вывоза и передачи права собственности на культурные ценности от 14 ноября 1970 г. [4] (далее — Конвенция ООН от 14 ноября 1970 г.) и Конвенции ООН об охране всемирного культурного и природного наследия от 16 ноября 1972 г. [5] (далее — Конвенция ООН от 16 ноября 1972 г.).

Наконец, новый «импульс» в развитии рассматриваемого института был связан с принятием Конвенции ООН против коррупции от 31 октября 2003 г. [6] (далее — Конвенция ООН от 31 октября 2003 г.), который ознаменовал собой криминализацию хищения, неправомерного завладения или иного нецелевого использования имущества публичным должностным лицом. Разумеется, в период с конца XX в. до начала XXI в. развитие анализируемого института параллельно происходило и по линии модельного законодательства СНГ, имеющего рекомендательный характер: Модельный УК от 17 февраля 1996 г. [7], Соглашение о сотрудничестве государств — участников СНГ в борьбе с хищениями культурных ценностей и обеспечении их возврата от 5 октября 2007 г. [8], Модельный закон об охране материального и культурного наследия от 29 ноября 2013 г. [9] и др. В частности, в Модельном УК

впервые на международном уровне данный институт получил свое полное и развернутое закрепление за счет включения в него 14 преступлений против собственности (гл. 28, ст. 240-253).

Обсуждение.

Аккумулируя изложенное, можно заключить, что в международном уголовном праве к преступлениям против собственности традиционно относятся предусмотренные международными правовыми актами общественно опасные посяательства на общественные отношения, непосредственно связанные с правом владения, пользования и распоряжения имуществом и причиняющие его собственнику либо законному владельцу материальный ущерб, либо создающие угрозу причинения такого ущерба.

В рамках приведенной дефиниции можно выделить три вида преступлений:

- 1) хищение, неправомерное присвоение или иное нецелевое использование имущества публичным должностным лицом;
- 2) хищение культурных ценностей;
- 3) разрыв или повреждение подводного кабеля или трубопровода.

При этом важно подчеркнуть, что в международном уголовном праве с посяательствами на собственность сопряжен целый ряд преступлений: военные, против мира, против человечности, общественной безопасности и др. Однако в указанных случаях отношения собственности выступают в роли дополнительного непосредственного объекта названных преступлений. Статус основного объекта собственность приобретает применительно к трем названным выше видам преступлений.

Ранее отдельные аспекты характеристики отдельных видов указанных преступлений уже рассматривались в доктрине уголовного права [10, 11, 12, 13].

В свете изложенного нельзя также не обратить внимание и на те виды преступлений против собственности, которые предусмотрены в конвенциях, но не являются действующими для РФ. К их числу относятся: мошенничество с использованием компьютерных технологий (ст. 8 Конвенции СЕ о преступности в сфере компьютерной информации от 23 ноября 2001 г. [14]); хищение культурных ценностей в форме кражи, мошенничества, присвоения, грабежа, разбоя, а также незаконное приобретение культурных ценностей путем злоупотребления доверием и иным образом, их уничтожение или повреждение (ст. 3 Конвенции СЕ о правонарушениях в отношении культурных ценностей от 19

мая 2017 г. [15], п. 1–2 Приложения III к Конвенции СЕ о правонарушениях в отношении культурных ценностей от 23 июня 1985 г. [16]).

Переходя к характеристике каждого из представленных трех видов преступных деяний, следует еще раз подчеркнуть, что объединяющим их элементом выступают отношения собственности: и как видовой, и как основной непосредственный объект. Именно последний придает преступлениям против собственности интегративный и системообразующий характер. Кроме того, посягательства на собственность в международном уголовном праве характеризует такой обязательный конструктивный признак как предмет – имущество. В одних составах преступлений он обозначен синтезированным термином «чужое имущество», в других — носит развернутое описание – («имущество, публичные или частные средства»), в-третьих – индивидуализирован либо характером и функциональным назначением имущества («телефонные кабели»), либо раритетностью и значимостью для науки, культуры, истории («культурные ценности»).

Давая оценку описания объективной стороны представленных в конвенциях преступных деяний, следует заметить, что законодатель в данном вопросе весьма лаконичен и ограничивается указанием на деяние и его последствия, достаточно редко используя другие дополнительные показатели, индивидуализирующие этот вид преступного посягательства. Варианты конкретизации поведения лица и установление ограничений в сфере уголовного преследования он делегирует национальному законодателю. Поэтому в Модельном УК (как рекомендательном законодательном акте) в качестве криминообразующих, а тем более квалифицирующих признаков в формулировке объективной стороны чаще всего называется способ совершения этих преступлений (например, групповой, насильственный, общеопасный).

С субъективной стороны вполне ожидаемо наличествуют, как правило, прямой умысел, а также корыстные мотивация и целеполагание. Характеристика субъекта преступления в необходимых случаях содержит описание его дополнительных свойств, при отсутствии таковых – это физическое вменяемое лицо, достигшее определенного национальным законодательством возраста в момент совершения преступного деяния.

В то же время наряду с общими чертами каждое из упомянутых преступлений против собственности обладает своими специфическими признаками. Так, для хищения, *неправомерного присвоения или иного нецелевого использования* имущества публичным должностным лицом характерны посягательства на отношения в сфере реализации установленного порядка осуществления публичными должностными лицами своих полномочий, что следует признать дополнительным непосредственным объектом.

Другим отличительным признаком рассматриваемых видов хищений является описание их предмета. Конвенция ООН против коррупции от 31 октября 2003 г. в ст. 17 к ним относит: имущество, публичные или частные средства, ценные бумаги или любой другой ценный предмет, находящийся в ведении этого публичного должностного лица в силу его служебного положения. Таким образом, для рассматриваемого предмета существенным является признак вверенности имущества.

Альтернативный характер носит и объективная сторона, включающая ряд действий, совокупность которых, однако, не равна совокупности преступлений, поскольку каждое из действий должно считаться самостоятельным для возбуждения уголовного преследования в порядке, предусмотренным национальным законодательством.

Такими альтернативными действиями являются: хищение перечисленных предметов, их неправомерное присвоение, иное нецелевое использование. Данные понятия по своей сути и по смыслу близки тому, когда публичное должностное лицо обращает в свою пользу находящиеся в его ведении имущество, публичные или частные средства, ценные бумаги или любые другие ценные предметы.

Если проводить параллели такого действия как иное нецелевое использование названных предметов с российским аналогом, то оно сходно с понятием «растрата», когда вверенное имущество не обращается в пользу виновного, а растрачивается, т.е. неправомерно отчуждается лицом, которому оно было вверено. В Модельном УК также проводится разграничение между присвоением, растратой (ст. 241) и хищением, совершенным путем злоупотребления служебным положением (ст. 242)¹.

¹ Попутно отметим, что в российском законодательстве названное хищение является лишь квалифицирующим признаком трех его форм: мошенничества, присвоения и растраты.

По законодательной конструкции состав анализируемого преступления следует отнести к материальным и, соответственно, признавать его оконченным с момента завладения соответствующим имуществом и причинения тем самым ущерба собственнику или иному законному владельцу данного имущества.

Субъективную сторону данного преступления представляют три признака: вина в форме умысла, исключительно прямого, о чем свидетельствуют корыстные мотив и цель — извлечения выгоды для себя самого либо другого физического или юридического лица.

Из всех элементов этого состава преступления наиболее детально в международном уголовном праве представлен его субъект. Как следует из содержания ст. 2 Конвенции ООН против коррупции от 31 октября 2003 г., — это публичное должностное лицо, которым признается:

1) любое назначаемое или избираемое лицо, занимающее какую-либо должность в законодательном, исполнительном, административном или судебном органе государства-участника на постоянной, или временной основе, за плату или без оплаты труда, независимо от уровня должности этого лица;

2) любое другое лицо, выполняющее какую-либо публичную функцию, в том числе для публичного ведомства или публичного предприятия, или предоставляющее какую-либо публичную услугу, как это определяется во внутреннем законодательстве государства-участника и как это применяется в соответствующей области правового регулирования этого государства-участника;

3) любое другое лицо, определяемое в качестве «публичного должностного лица» во внутреннем законодательстве государства-участника. Кроме того, в гл. II Конвенции предусмотрено, что для целей принятия некоторых конкретных мер «публичное должностное лицо» может означать любое лицо, выполняющее какую-либо публичную функцию или предоставляющее какую-либо публичную услугу, как это признается во внутреннем законодательстве государства-участника и как это применяется в соответствующей области правового регулирования этого государства-участника.

При анализе следующего вида преступлений против собственности в международном уголовном праве — *хищения культурных ценностей* — также следует обратить внимание на наличие дополнительного непосредственного объекта, коим

признаются общественные отношения в сфере сохранности культурного наследия, а также в определенной степени — и общественная нравственность, что вытекает из специфики предмета преступного деяния — движимых культурных ценностей.

Бланкетность названной нормы в части определения данного понятия требует обращения к ряду конвенций, наполняющих этот термин конкретным содержанием. Обобщенное представление о культурных ценностях можно составить, ознакомившись со ст. 1 Конвенции ООН о защите культурных ценностей в случае вооруженного конфликта от 14 марта 1954 г., ст. 1 Конвенции ООН о мерах, направленных на запрещение и предупреждение незаконного ввоза, вывоза и передачи права собственности на культурные ценности от 14 ноября 1970 г., ст. 1 Конвенции ООН об охране всемирного культурного и природного наследия от 16 ноября 1972 г., ст. 1 Соглашения о вывозе и ввозе культурных ценностей от 28 сентября 2001 г. и др.

Так, в частности, в соответствии со ст. 1 Конвенции ООН от 14 ноября 1970 г. к предмету следует относить культурные ценности религиозного или светского характера, рассматриваемые каждым государством как представляющие значение для археологии, доисторического периода, истории, литературы, искусства и науки

Не ограничиваясь таким не персонифицированным перечнем, указанная Конвенция конкретизирует их следующим образом:

– редкие коллекции и образцы флоры и фауны, минералогии, анатомии и предметы, представляющие интерес для палеонтологии;

– ценности, касающиеся истории, включая историю науки и техники, историю войн и обществ, а также связанные с жизнью национальных деятелей, мыслителей, ученых и артистов и с крупными национальными событиями;

– археологические находки (включая обычные и тайные) и археологические открытия;

– составные части расчлененных художественных и исторических памятников и археологических мест;

– старинные предметы более чем 100-летней давности, такие как надписи, чеканные монеты и печати;

– этнологические материалы;

В свою очередь, такие предметы как художественные ценности подразделяются на следующие подвиды:

– полотна, картины и рисунки целиком ручной работы на любой основе и из любых материалов (за исключением чертежей и промышленных изделий, украшенных от руки);

– оригинальные произведения скульптурного искусства из любых материалов;

– оригинальные гравюры, эстампы и литографии;

– оригинальные художественные подборки и монтажи из любых материалов;

– редкие рукописи и инкунабулы, старинные книги, документы и издания, представляющие особый интерес (исторический, художественный, научный, литературный и т.д.), отдельно или в коллекциях;

– почтовые марки, налоговые и аналогичные марки, отдельно или в коллекциях;

– архивы, включая фоно-, фото- и киноархивы;

– мебель более чем 100-летней давности и старинные музыкальные инструменты.

Другая Конвенция ООН – от 14 ноября 1970 г. в ст. 4 детализирует происхождение, обнаружение, приобретение перечисленных предметов, признаваемых культурными ценностями, отмечая, что они могут быть:

– созданы отдельными лицами или коллективами лиц, являющимися гражданами данного государства, имеют важное значение для данного государства и созданы на территории этого государства иностранными гражданами или лицами без гражданства, проживающими на территории данного государства;

– обнаружены на национальной территории;

– приобретены археологическими, этнологическими и естественно-научными экспедициями с согласия компетентных властей страны, откуда происходят эти ценности;

– приобретены в результате добровольных обменов;

– получены в качестве дара или законно куплены с согласия компетентных властей страны, откуда происходят эти ценности.

Причем даже такой обширный список не является исчерпывающим, если принять во внимание те международные правовые акты, которые не являются действующими для РФ и которые содержат не только идентичный, но и сходный перечень таких ценностей. В число таких недействующих актов входят: Рекомендации ЮНЕСКО «Об охране движимых культурных ценностей» от 28 ноября 1978 г. (разд. I) [17]; Европейская Конвенция о правонарушениях в

отношении культурных ценностей от 23 июня 1985 г. (ст. 2); Конвенция об охране нематериального культурного наследия от 17 октября 2003 г. (ст. 2); Европейская Конвенция о правонарушениях в отношении культурных ценностей от 19 мая 2017 г. (ст. 2).

Что касается объективной стороны рассматриваемого преступления, то на фоне такого объемного описания его предмета, она представлена гораздо скромнее и состоит в совершении противоправного безвозмездного изъятия и (или) обращения предмета преступления в пользу виновного или других лиц, что причинно-следственно связано с ущербом их собственнику или иному законному владельцу. Причем хищение может быть совершено различными способами: тайным, открытым, незаконным присвоением культурных ценностей в какой бы то ни было форме (ст. 4 Конвенции ООН от 14 мая 1954 г.), незаконной передачей права собственности на культурные ценности (ст. 3 Конвенции ООН от 14 ноября 1970 г.).

Опять же более богатая палитра деяний, образующих объективную сторону анализируемого преступления, представлена в не ратифицированных РФ международных правовых актах. В частности, согласно Приложению III к Конвенции СЕ о правонарушениях в отношении культурных ценностей от 23 июня 1985 г., к ним относятся кражи культурных ценностей, присвоение их путем физического или психического насилия, принятие на месте, где было зарегистрировано первоначальное правонарушение и др.

Поливариантность деяний, форм совершения, образующих объективную сторону, позволяет говорить о двойственной конструкции состава преступления как материально-формального: например, при краже культурных ценностей он будет признаваться материальным, а при вымогательстве — формальным.

Субъективная сторона рассматриваемого преступления отличается конкретизацией прямого умысла, который в интеллектуальном элементе обязательно должен включать осознание виновным особой исторической, научной, художественной или культурной ценности похищаемых предметов. В противном случае невозможно инкриминировать виновному совершение преступления в отношении культурных ценностей и должно быть квалифицировано как «обычное» хищение с учетом способа изъ-

ятия имущества. Помимо прямого умысла данное преступление характеризуют корыстные мотив и цель.

Субъект этого преступления общий — физическое вменяемое лицо, достигшее установленного национальным законодательством возраста.

Завершает «триаду» преступлений собственности в международном уголовном праве такое деяние как *разрыв или повреждение подводного телеграфного, телефонного, высоковольтного кабеля или трубопровода*.

В данном преступлении также наблюдается выделение дополнительного непосредственного объекта. Это нормальное функционирование телеграфной и телефонной связи, электросвязи, а также трубопроводного транспорта. Указанное преступление, как и все посягательства на собственность, в число своих признаков включает предмет, который постепенно расширялся: от подводных телеграфных кабелей (ст. 2 Конвенции от 14 марта 1884 г.) до телефонных кабелей, высоковольтных кабелей и подводных трубопроводов (ст. 27 Конвенции ООН от 29 апреля 1958 г., ст. 113 Конвенции ООН по морскому праву от 10 декабря 1982 г.).

Объективная сторона данного преступления характеризуется, как следует из его названия, разрывом или повреждением подводного кабеля в открытом море каким-либо судном или каким-либо лицом, совершаемыми таким образом, что это может прервать или затруднить телеграфную или телефонную связь, а равно разрывом или повреждением при таких же обстоятельствах подводного высоковольтного кабеля или трубопровода.

Под разрывом следует понимать приведение названных предметов в полную негодность, т.е. потерю ими своих целевых свойств (назначения), не подлежащих восстановлению. Под повреждением понимается приведение этих предметов в состояние, существенно или временно затрудняющее использование последних, снижающее их функциональные свойства, но не исключающее возможности восстановления при соответствующих затратах труда и материалов [18, с. 292].

Вместе с тем следует иметь в виду, что преступными признаются только незаконные деяния, поскольку Конвенциями ООН от 29 апреля 1958 г. и от 10 декабря 1982 г. предусмотрены случаи, когда разрыв или повреждение признаются правомерными. Это возможно, в частности, в ситуациях, когда лица действуют исключительно с правомерной целью спасения своей

жизни или своих судов, после принятия всех мер предосторожности во избежание таких разрывов или повреждений.

Поскольку термины «разрыв» и «повреждение» одновременно обозначают как деяние, так и его последствие, можно было бы отнести этот состав преступления по законодательной конструкции к материальным, однако, в тексте момент окончания не однороден. Вариант описания объективной стороны, когда названные действия могут прервать или затруднить телеграфную или телефонную связь либо подачу электроэнергии или функционирование магистрального трубопровода, следует отнести к составу опасности, тогда как вариант, связывающий момент окончания с разрывом либо повреждением подводного трубопровода или высоковольтного кабеля, свидетельствует о материальной конструкции состава преступления.

Неординарна на фоне других преступлений против собственности и субъективная сторона данного преступления, представленная обеими формами вины (умышленной и неосторожной). При этом неосторожность, как указано в Конвенциях, проявляется в виде преступной небрежности. Отсутствие упоминания о мотивах и цели переводит эти признаки в статус факультативных, то есть не влияющих на квалификацию содеянного.

Равным образом отсутствие указания на признаки субъекта преступления говорит о том, что это физическое вменяемое лицо, достигшее установленного национальным законодательством возраста, то есть субъект общий.

Заключение.

Подводя итог проведенному анализу преступлений против собственности, можно констатировать, что в настоящее время они представляют собой достаточно разработанную систему, обладающую статусом относительно самостоятельного института Особенной части международного уголовного права. Данным институтом охватываются 3 вида таких преступлений: 1) хищение, неправомерное присвоение или иное нецелевое использование имущества публичным должностным лицом (ст. 2, 17 Конвенции ООН против коррупции от 31 октября 2003 г.); 2) хищение культурных ценностей (ст. 1, 4 Конвенции ООН о защите культурных ценностей в случае вооруженного конфликта от 14 марта 1954 г., ст. 1, 3, 4 Конвенции ООН о мерах, направленных на запрещение и предупреждение незаконного ввоза, вывоза и передачи права собственности на культурные ценности от 14 ноября

1970 г., ст. 1 Конвенции ООН об охране всемирного культурного и природного наследия от 16 ноября 1972 г.); 3) разрыв или повреждение подводного телеграфного, телефонного высоковольтного кабеля или трубопровода (ст. 2 Международной конвенции по охране подводных телеграфных кабелей от 14 марта 1884 г., ст. 113 Конвенции ООН по морскому праву от 10 декабря 1982 г.).

В УК РФ названным преступлениям коррелируют общественно опасные деяния, предусмотренные ст. 160 «Присвоение или растрата», 164 «Хищение предметов, имеющих особую ценность», 252 «Загрязнение морской

среды», 253 «Нарушение законодательства Российской Федерации о континентальном шельфе и об исключительной экономической зоне Российской Федерации», 285¹ «Нецелевое расходование бюджетных средств», 285² «Нецелевое расходование средств государственных внебюджетных фондов» и 315 «Неисполнение приговора суда, решения суда или иного судебного акта» УК РФ.

В этой связи представляется весьма актуальным проведение компаративистского анализа в целях использования международного опыта криминализации в данной сфере для дальнейшей оптимизации отечественного уголовного законодательства.

Конфликт интересов

Не указан.

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

Conflict of Interest

None declared.

Review

All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Список источников:

1. Конвенция по охране подводных телеграфных кабелей (подписана в Париже 14 марта 1884 г.; вступила в силу для России 1 мая 1888 г.) // *Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами*. Вып. IV. 2-е изд. 1936. С. 74–80.
2. Конвенция ООН по морскому праву от 10 декабря 1982 г. (подписана в Монтего-Бее 10 декабря 1982 г.; ратифицирована РФ 26 февраля 1997 г.; вступила в силу для РФ 11 апреля 1997 г.) // *Бюллетень международных договоров*. 1998. № 1. С. 3–168.
3. Конвенция о защите культурных ценностей в случае вооруженного конфликта (подписана в Гааге 14 мая 1954 г.; ратифицирована СССР 12 декабря 1956 г.; вступила в силу для СССР 4 апреля 1957 г.) // СПС «КонсультантПлюс».
4. Конвенция ООН о мерах, направленных на запрещение и предупреждение незаконного ввоза, вывоза и передачи права собственности на культурные ценности (подписана в Париже 14 ноября 1970 г.; ратифицирована СССР 2 февраля 1988 г.; вступила в силу для СССР 28 июля 1988 г.) // *Сборник международных договоров СССР*. Вып. XLIV. М., 1990. С. 506–513.
5. Конвенция ООН об охране всемирного культурного и природного наследия (подписана в Париже 16 ноября 1972 г.; ратифицирована СССР 9 марта 1988 г.; вступила в силу для СССР 12 января 1989 г.) // *Сборник международных договоров СССР*. Вып. XLV. М., 1991. С. 482–492.
6. Конвенция ООН против коррупции (подписана в Нью-Йорке 31 октября 2003 г.; ратифицирована РФ 8 марта 2006 г.; вступила в силу для РФ 8 июня 2006 г.) // *СЗ РФ*. 2006. № 26. Ст. 2780.
7. Модельный Уголовный кодекс государств — участников Содружества Независимых Государств: принят Межпарламентской ассамблеей государств — участников СНГ 17 февраля 1996 г. (с изменениями и дополнениями на 1 февраля 2025 г.). URL: https://iacis.ru/baza_dokumentov/modelnie_zakonodatelnie_akti_i_rekomendacii_mpa_sng/modelnie_kodeksi_i_zakoni.
8. Соглашение о сотрудничестве государств — участников СНГ в борьбе с хищениями культурных ценностей и обеспечении их возврата от 5 октября 2007 г. (подписано в Душанбе 5 октября 2007 г.; вступило в силу, в том числе и для РФ 22 апреля 2009 г.) // *Бюллетень между народными договоров*. 2009. № 11. С. 3–10.
9. Модельный закон для государств — участников СНГ об охране нематериального культурного наследия от 29 ноября 2013 г. // *Информационный бюллетень. Межпарламентская Ассамблея государств — участников Содружества Независимых Государств*. 2014. № 60 (часть 2).
10. Клак Е.Г. Международно-правовая борьба с хищением и незаконным вывозом культурных ценностей: российский аспект // *Актуальные проблемы государства и права: сб. науч. статей студентов, аспирантов и молодых ученых юридических вузов*. М., 2008. С. 155–157.
11. Лебедева А.А. Мошенничество в сфере высоких технологий по национальному и международному уголовному законодательству // *Международное уголовное право и международная юстиция*. 2014. № 5. С. 15–17.
12. Хромушина Д.С. Современные правовые механизмы борьбы с мошенничеством в соответствии с российским правом и международными стандартами // *Актуальные проблемы международного права: материалы международного науч.-практ. конф. преподавателей и студентов* (Владимир, 6 декабря 2013 г.). Владимир, 2014. С. 236–241.
13. Щерба С. Проблемы уголовно-правовой охраны исторических, научных, художественных и культурных ценностей государств СНГ от преступных посягательств // *Уголовное право*. 1999. № 1. С. 109–114.
14. Конвенция СЕ о преступности в сфере компьютерной информации (подписана в Будапеште 23 ноября 2001 г.; не подписана и не ратифицирована РФ). URL: <https://rm.coe.int/1680081580>.
15. Конвенция СЕ о правонарушениях в отношении культурных ценностей (подписана в Никосии 19 мая 2017 г.; подписана, но не ратифицирована РФ). URL: www.coe.int/ru/web/conventions/full-list/-/conventions/rms/0900001680710435.
16. Конвенция СЕ о правонарушениях в отношении культурных ценностей (подписана в Дельфах 23 июня 1985 г.; не подписана и не ратифицирована РФ). URL: <https://rm.coe.int/168007a0fc>.
17. Рекомендации ЮНЕСКО «Об охране движимых культурных ценностей» от 28 ноября 1978 г. // *Международные нормативные акты ЮНЕСКО*. М., 1993. С. 368–376.
18. Российское уголовное право. Особенная часть: учебник для вузов / под ред. В.П. Коняхина и М.Л. Прохоровой. М., 2015. 928 с.

References:

1. *Convention on the Protection of Submarine Telegraphic Cables (signed in Paris on March 14, 1884; entered into force for Russia on May 1, 1888)* // *Collection of existing treaties, agreements and conventions concluded by the USSR with foreign states. Issue IV. 2nd ed. 1936. pp. 74-80.*
2. *The UN Convention on the Law of the Sea of December 10, 1982 (signed in Montego Bay on December 10, 1982; ratified by the Russian Federation on February 26, 1997; entered into force for the Russian Federation on April 11, 1997)* // *Bulletin of International Treaties. 1998. No. 1. pp. 3-168.*
3. *Convention for the Protection of Cultural Property in the Event of Armed Conflict (signed in The Hague on May 14, 1954; ratified by the USSR on December 12, 1956; entered into force for the USSR on April 4, 1957)* // *PCA ConsultantPlus.*
4. *UN Convention on Measures Aimed at Prohibiting and Preventing the Illegal Import, Export and transfer of ownership of cultural property (signed in Paris on November 14, 1970; ratified by the USSR on February 2, 1988; entered into force for the USSR on July 28, 1988)* // *Collection of International Treaties of the USSR. Vol. XLIV. Moscow, 1990. pp. 506-513.*
5. *The UN Convention on the Protection of the World Cultural and Natural Heritage (signed in Paris on November 16, 1972; ratified by the USSR on March 9, 1988; entered into force for the USSR on January 12, 1989)* // *Collection of International Treaties of the USSR. Vol. XLV. Moscow, 1991. pp. 482-492.*
6. *The UN Convention against corruption (signed in New York on October 31, 2003; ratified by the Russian Federation on March 8, 2006; entered into force for the Russian Federation on June 8, 2006)* // *Law of the Russian Federation. 2006. № 26. Art. 2780.*
7. *Model Criminal Code of the Member States of the Commonwealth of Independent States: adopted by the Interparliamentary Assembly of the CIS Member States on February 17, 1996 (with amendments and additions as of February 1, 2025). URL: https://iacis.ru/baza_dokumentov/modelnie_zakonodatelnie_akti_i_rekomendacii_mpa_sng/modelnie_kodeksi_i_zakoni.*
8. *Agreement on cooperation between the CIS member states in combating theft of cultural Property and ensuring their Return dated October 5, 2007 (signed in Dushambe on October 5, 2007; entered into force, including for the Russian Federation on April 22, 2009)* // *Bulletin of International Treaties. 2009. No. 11. pp. 3-10.*
9. *Model Law for the CIS member States on the protection of intangible cultural Heritage dated November 29, 2013* // *Information Bulletin. The Interparliamentary Assembly of the Member States of the Commonwealth of Independent States. 2014. No. 60 (part 2).*
10. *Klak E.G. International legal fight against theft and illegal export of cultural property: The Russian aspect* // *Actual problems of the state and law: collection of scientific articles. articles by students, postgraduates and young scientists of law schools. Moscow, 2008. pp. 155-157.*
11. *Lebedeva A.A. Fraud in the field of high technologies under national and international criminal law* // *International criminal law and international justice. 2014. No. 5. pp. 15-17.*
12. *Khromushina D.S. Modern legal mechanisms for combating fraud in accordance with Russian law and international standards* // *Actual problems of international law: materials of the international scientific and practical conference of teachers and students (Vladimir, December 6, 2013). Vladimir, 2014. pp. 236-241.*
13. *Shcherba S. Problems of criminal law-legal protection of historical, scientific, artistic and cultural values of the CIS countries from criminal encroachments* // *Criminal Law. 1999. No. 1. pp. 109-114.*
14. *The CE Convention on Computer Information Crime (signed in Budapest on November 23, 2001; not signed or ratified by the Russian Federation). URL: <https://rm.coe.int/1680081580>.*
15. *The CE Convention on Offences against Cultural Property (signed in Nicosia on May 19, 2017; signed but not ratified by the Russian Federation). URL: www.coe.int/ru/web/conventions/full-list/-/conventions/rms/0900001680710435.*
16. *The CE Convention on Offences against Cultural Property (signed in Delphi on June 23, 1985; not signed and not ratified by the Russian Federation). URL: <https://rm.coe.int/168007a0fc>.*
17. *UNESCO Recommendations "On the protection of movable cultural property" dated November 28, 1978* // *International normative acts of UNESCO. Moscow, 1993. pp. 368-376.*
18. *Russian criminal law. Special part: textbook for universities / edited by V.P. Konyakhin and M.L. Prokhorova, Moscow, 2015. 928 p.*

Информация об авторах:

Коняхин Владимир Павлович, доктор юридических наук, профессор, зав. кафедрой уголовного права и криминологии Кубанского государственного университета, г. Краснодар, Россия, vladkon54@mail.ru

Огородникова Нина Владимировна, кандидат юридических наук, доцент, профессор, кафедры уголовного права и криминологии Кубанского государственного университета, г. Краснодар, Россия, onv23@mail.ru

Vladimir P. Konyakhin, Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Criminal Law and Criminology, Kuban State University

Nina V. Ogorodnikova, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of Criminal Law and Criminology Kuban State University

Вклад авторов:

все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Contribution of the authors:

All authors contributed equally to this article.

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 09.04.2025;

Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 18.04.2025;

Принята к публикации / Accepted for publication 20.04.2025.

Авторами окончательный вариант рукописи одобрен.